

A purple rose is the central focus, resting on a sheet of music which is placed on a piano keyboard. The background is dark, with some faint text visible on the piano's frame, including 'JULY' and 'PAR'. The overall mood is romantic and artistic.

Anaisia

Мелодия
сердца

12+

Anaisia

Мелодия сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650591

SelfPub; 2020

Аннотация

Тяжело ли жить на виду у всех? Знать, что каждый твой шаг может стать фатальным? После того, как Людвиг ван Бетховен стал в столь юном возрасте терять слух, его жизнь превратилась в сущий ад. Действительно, он композитор с музыкальным, утончённым слухом. А что, если он лишится этого слуха? Его жизнь потеряет смысл. Его любимая отвернётся от него, ему перестанут делать заказы из великих и богатых родов. Скрывать долго не получится, но всему всегда есть свой конец...

Книга была написана на основе реальных событий по биографии величайшего композитора XIX в. – Людвига ван Бетховена.

Глава 1

1804 год.

Большой, дорого обставленный концертный зал. Средневековые витражи на окнах, времён походов благородных рыцарей, и золотая огранка мраморных колон подчёркивали пышность и святость помещения. Это было просто огромное помещение, находящееся в данный момент в загадочном полумраке, освещённом только лишь парой свечей у белого, несомненно, дорогого рояля.

Музыка. Милозвучная, тихая, нежная и, в то же время, грустная, тревожная. Она разносилась по всему залу завораживая, привлекая взгляды сотен зачарованных слушателей.

Музыка. Её волны распространялись, заполняя всё вокруг чувством прекрасного. Как можно, только что излучая ту нежность, тепло и отдалённую грусть, перейти на такие резкие звуки, взволнованные движения, буйные эмоции? Звучание нот сливалось со звуком бьющихся клавиш рояля.

Тело музыканта, одного из величайших композиторов современности и всех веков вместе взятых, всё время пребывало то в мерном покачивании, то в энергичном танце. При

этом совершенно, как бы даже не отрывая рук от клавиш инструмента, он продолжал играть. Играть так, что, казалось, от этого зависит его жизнь, будто он, намучившись, устав от жизни, снова решил жить. Будто он – жадно выпивающий стакан воды узник смертельной пустыни. Делаящий спасительный вдох свежего воздуха утопающий, поднявшийся на поверхность с дна морского.

Зал, затаив дыхание, внимал эмоциям, передаваемым человеком, что своим творчеством смог захватить сердца многих, кто раньше считал его прошлым, необратимо уходящим в Лету.

Нет! Это не конец!

Соната, так быстро получившая популярность, стала символом жизни Людвига. Зазвучали последние аккорды, ставя точку в произведении, но строя начало новой жизни, новых достижений и побед!

1800 год. Вена. Особняк в Гейлигенштадте.

«Второй год. Второй год я всё время нахожусь под страхом разоблачения... Что делать? Ещё немного и мне будет трудно это скрывать...» – молодой человек сидел за фортепиано, облокотившись локтями о его крышку. Упёрши голову на руки, он пропустил разбросанные в разные стороны пряди волос между пальцами.

На верхней крышке инструмента обнаружили ноты...

Куча нотной бумаги, расписанной мелкими, едва заметными, нотками. В самом верху нотного листа, что лежал поверх всех остальных мелким размашистым и неразборчивым почерком было написано «Симфония 5».

Откинувшись назад, музыкант снова взялся играть.

Музыка была прекрасна, но не достаточно для знающего своё дело композитора. Перепады, сила и мощь издаваемых звуков покорила бы каждого, но только не Людвига.

– Нет! Не то! Всё не то! – воскликнул композитор и, захлопнув крышку с силой, сел в первую позу. Вспышка ярости сразу прошла, как только он вспомнил кое-что, после чего, ему стало ещё хуже... Он не услышал себя. Его слова в таком большом помещении разлетелись в разные стороны и прокатились по всему залу.

Куполообразный потолок превратил, и без того громкий, звук в мощнейший возглас. Но он не услышал его, а лишь приглушённый полушёпот. Погрузив лицо в ладони он тихонько застонал.

Дверь в залу не спеша открылась, приглашая войти Франца Вегелера, лучшего друга Людвига. Увидев друга в таком подавленном состоянии, он не мог не поинтересоваться его здоровьем:

– Здравствуй, Людвиг. Ты в порядке? – в ответ ему была лишь тишина. – Люд? – забеспокоился Франц.

Он подошёл к фортепиано, за которым сидел его приятель. Опустив на плечо Людвигу ладонь он снова поинтере-

совался:

– Что случилось?

Музыкант встрепенулся и сразу же ответил:

– О, Франц! Это ты, друг! Прошу меня простить, что не встретил тебя должным образом.

– Ничего, с тобой всё в порядке? У тебя достаточно озабоченный вид, мой друг.

На миг в зале воцарилась полная тишина. Людвиг не знал, что делать. Ему не нравилось обманывать лучшего друга. Но он был вынужден это делать, иначе его удачно сложенной карьере великого композитора и виртуозного музыканта пришёл бы конец. Догадавшись о чём спрашивает его друг, он ответил:

– Всё в порядке. Ты же знаешь, как иногда сложно справиться с чувствами и сесть за работу.

– Знаю, поэтому и обеспокоен твоим состоянием, учитывая какие новости я с собой принёс...

Мужчина непонимающе поднял бровь:

– Я слушаю. – нетерпеливо произнёс он.

Глубоко вздохнув, гость засунул руку во внутренний карман своего жакета. Достав аккуратно сложенный лист бумаги, он протянул его Людвигу.

Молча взяв лист, мужчина развернул его и стал читать.

«Здравствуй, дорогой мой брат! Я рада, что могу называть тебя отныне так. Я благодарна судьбе, что смогла дописать это письмо и передать его тебе. Пишу тебе не с очень

счастливой доли, и не по своему желанию, а по принуждению. Твой брат, мой муж, попал в жутчайшую ситуацию из всех возможных. И я бы рада была, если бы вместо сей участи, что настигла его отныне, он пошёл воевать в Ватерлоо. Но, увы, чему бывать – того не миновать.

Не буду более тянуть резину. Скажу, как есть. Твой брат и любимый мною муж болен. Врачи говорят, что его болезнь забирает все силы. И с каждым днём всё хуже и хуже.

Я знаю, что ты поклялся ему и гроша не давать, что затаил обиду, но я молю тебя, молю как брата моего супруга, как человека, небезразличного нам и нашей семье. Помоги нам, не оставь нас наедине с этой безжалостной болезнью, забирающей жизни тысячи людей и жизнь твоего родного брата.

С надеждой на понимание, Иоганна»

Читая письмо, Людвиг не заметил, как к нему обращался Франц. Понял это только тогда, когда его друг детства потрепал его за плечи.

– Людвиг! Да что с тобой? Ты что меня не слышишь?!

Людвиг видел, как рот друга то открывался, то закрывался, но ничего кроме шума он не услышал.

Закрыв уши руками, он посмотрел на Франца. Тот наконец отпустил его плечи, отошёл на шаг и ошарашено помотал головой в стороны.

– Ты меня не слышишь. – уже утвердительно сказал гость. – Но как...?

– Людвиг! Людвиг! Проснитесь!

Глава 2

Меня кто-то сильно трепал по плечу. Голова сильно гудела и мне так не хотелось открывать глаза. Женский старческий голос требовательно продолжал свою песнь:

– Людвиг! Вы же так свой приём проспите! Негоже заставлять гостей ждать!

Приём? Какой приём? Так, подождите. Что случилось? Кажется, Франц узнал о моих проблемах со слухом. Но... Где он?

Всё-таки разлепив плотно сжатые веки, я наконец увидел того, кто всё это время донимал меня криками. Это была моя служанка и, по совместительству, домработница госпожа Лехнер. Я, оказалось, лежал на столе с разбросанными нотами.

Видимо... я спал? Ха-ха-ха! Это был всего лишь сон! Господи, какое облегчение! И мой слух пока не так уж и плох, раз я слышу её визгливый голос. Должно быть я уснул во время работы.

– Да, Амалия, вы абсолютно правы! – с радостной улыбкой ответил я. – Мне стоит поторопиться, раз я хочу успеть привести себя в подобающий моему статусу вид. Благодарю вас, мадам.

От столь вежливого обращения к ней, Амалия взялась за

сердце. Видимо, я слегка перестарался с вежливостью...

Быстро встав с рабочего места, я направился приводить себя в порядок.

Год спустя.

Концертный зал был в восторженном ожидании начала творения великого мастера своего дела.

Масштабный симфонический оркестр, в котором свыше, чем 20 человек, готов и ждёт появления своего дирижёра.

Внезапно зал взрывается громкими аплодисментами, криками, воплями восхищения. На сцену поднимается Людвиг ван Бетховен.

Поднимаясь, молодой композитор, почему-то вспомнил одного из своих учителей. Не то, чтобы он долго учился у него или был в хороших с ним отношениях. Просто сейчас, исполняя Симфонию 2 на этой большой сцене с полным залом слушателей, он был обязан ему. Ведь, несмотря на личную неприязнь и неслаженность характеров двух великих композиторов, он был благодарен своему учителю, как никогда. (*)

Загромыхало! Задребезжал весь оркестр разом.

Нежные скрипки вместе с утончёнными флейтами начали медленно и тихо разносить мелодию по всему залу.

Резкий звук! И вот взялся оркестр, придавая серьёзность и торжество.

И снова скрипки наладили этот контраст, вернули нежность и спокойствие.

Но не тут то было! Буря и шторм только начинались. Постепенно тучи над залом сгущались всё больше и больше, унося мелодию скрипок и флейт далеко.

Внезапно, всё стихло. Лёгкий и парящий танец скрипок с предстоящим громом на заднем плане. Именно этот гром не давал расслабиться слушателям, затаив дыхание, внемлющим прекрасное. Ураган с каждой нотой уносил всё дальше и дальше, в мир бури эмоций, страсти, пылающего танца.

У зрителей при каждом скачке тональности, при каждом forte и следующим за ним piano, не шло и не бегало, а именно молниеносно проносилось целое стадо мурашек. Каждый из сидящих в этом большом, украшенном позолотой и мрамором, зале хотел, чтобы оркестр играл... Играл не останавливаясь!

Поэтому, когда оркестр доиграл последние аккорды, в зале на долю секунды настала гробовая тишина. Никто не мог поверить, что это уже конец. Но вот, первый слушатель звучно начал хлопать. Он подскочил со своего места и с криком «Браво!» начал громко и сильно хлопать в ладоши.

В ту же секунду толпа ожила, как бы проснулась после долгого сна, проведённого в самой прекрасной стране, которая только есть на этой планете – в стране музыки! Послышались крики восхищения и громкие аплодисменты. Вверх, под куполообразный потолок, то и дело поднимались чьи-то

цилиндры и колпаки.

Людвиг наконец повернулся к залу лицом, с серьёзным видом поклонился и поспешил покинуть сцену. Ему было плохо как никогда. Самым тяжёлым испытанием для него было видеть, как всем нравилось его творение, видеть восторг в глазах слушателей, но даже не слышать то, что он написал...

«... Но какое унижение, если случилось, что кто-нибудь рядом со мной слышит издалека флейту, а я НИЧЕГО НЕ СЛЫШУ, или он СЛЫШИТ, КАК ПОЁТ ПАСТУХ, а я опять-таки ничего не слышу...» (**)

(*) – Один из учителей Бетховена – Йозеф Гайдн. Выдающийся австрийский композитор, который считается родоначальником классицизма в музыке. Понятие симфонический оркестр, сонатно-симфонический цикл и др. являются его заслугой.

(**) – документальный материал. Слова Людвиг ван Бетховена.

Глава 3

«Дорогая Жюли.

Буду рад видеть вас в своём доме 3 июля в 6 часов вечера. Мой, не сказать, что уважаемый, брат устраивает торжество в честь выхода моей новой симфонии. Этот напыщенный ин-

дюд старается найти корысть для себя даже в таком незначительном событии. Я уже целый год терплю его. Представляете, недавно я узнал, что он решил продать МОЙ недавно завершённый комплект фортепианных сонат издателю в Лейпциге. Все бы ничего, вот только я уже пообещал эти произведения издательской фирме швейцарского композитора Ганса Георга Негели. И такие казусы уже довольно часто встречаются в нашем с ним общении.

Тем не менее, его очередной "концерт" даёт нам повод снова встретиться. И я рад использовать сей шанс для встречи с вами.

Искренне, ваш Людвиг.»

Точка. Закончив писать, я с грустью посмотрел в окно. Что сказать? Боюсь, это моя последняя возможность, иного шанса не будет.

Внезапно рядом возникла фигура женщины. Повернувшись, я заметил, что это Амелия зашла в мою комнату. Видимо, от моего великолепного слуха осталось только воспоминание. Прискорбно осознавать, что ты больше никогда не услышишь любимого звука фортепиано, тонкость скрипки, нежность флейты...

Поток мыслей прервала Амелия, терпеливо уставившись на меня, она, видимо, ждала ответа. А я ведь даже понятия не имею, о чём она меня спрашивала.

Тяжело вздохнув я принял решение.

– Что ж, советую вам идти собирать вещи, мадам. Ибо со

следующего понедельника вы больше не будете здесь работать... Так же, как и другие слуги.

У женщины был такой озадаченный и несчастный вид, что мне хотелось тут же забрать свои слова обратно. Но мне ничего не оставалось, кроме как такой вариант.

– Убирайтесь! – подскочив с места воскликнул я. – Вон!

Казалось, ещё чуть-чуть и эта, с одной стороны всегда боевая, умудрённая опытом, женщина расплатится как 16-летняя девчонка. Мне стало до такой степени противно от самого себя, что я больше не стал утруждать себя созерцанием слёз и, по всей видимости, умаления меня оставить на работе эту приветливую женщину, встав с места, я обогнул её и направился к выходу из комнаты. Противно.

«... О люди, считающие или называющие меня неприязненным, упрямым мизантропом, как несправедливы вы ко мне! Вы не знаете той скрытой причины, по которой я кажусь вам таким.» (*)

Следующим делом я попросил собрать всех слуг в актовом зале моего дома в Гейлигенштадте. Одним прямым указом я распустил их, буквально вышвырнул из своего дома как щенков, с которыми хозяин уже давно наигрался. Ох, если бы они только знали, как трудно мне было смотреть на их лица безысходности. А ведь многих из них я взял на своё попечение. Раньше я был не таким чёрствым к окружающим.

Раньше...

Раньше всё было иначе.

С этого дня я должен избавить окружающих от себя. Если хотя бы один слуга заподозрит мою глухоту, мне конец. Мне просто... Конец!

Днём ранее.

Я пригласил в свой кабинет брата. Нужно было выяснить всё сейчас, пока он снова не повторил свои ошибки... Пока я ещё хоть что-то способен услышать.

Дверь беззвучно отворилась. «Беззвучно» не потому, что она не издавала никаких звуков, а просто потому, что я их не слышал. Каспар зашёл в кабинет и устроился в кресле рядом с моим столом. Создавалось такое ощущение, что не я его вызвал и не я являюсь источником его доходов, а наоборот: он хозяин дома, и это он меня вызвал. Неприятное ощущение. Вполне.

Не став долго тянуть кота за хвост, я сразу перешёл к делу:

– Это зашло слишком далеко.

Каспар слегка приподнял бровь, выражая свою готовность слушать дальше.

– Каспар. Ты слишком увлёкся. Я не собираюсь и дальше терпеть твоё своеволие.

Карл, а именно так его зовут в нашей семье, заметно напрягся. Видимо, он ждал этого разговора. Что ж, тем лучше.

– Вижу, ты уже понял к чему я клоню. Я не стану более

задерживать тебя. Я помог тебе подняться на ноги, когда ты только переехал в Вену. Я не собираюсь быть и дальше твоей нянькой! Так что, милости прошу, покинуть мой дом в этот же понедельник.

– Я... торжество... Ты не можешь... – только и услышал я. Сомкнув брови на переносице, сосредоточив всё внимание на звуках, я аккуратно переспросил, стараясь не вызывать подозрения.

– Что за торжество ты опять устраиваешь?

Слегка задумавшись, через долю секунды он ответил.

– Твои... успехом... Я решил... – дальше я его прервал.

– Что значит решил?! С каких пор ты принимаешь решения в этом доме без моего на то ведома и дозволения?!

Каспар опустил взгляд. Ну надо же, ему стыдно!

– Когда торжество? – как бы уточняя спрашиваю я.

– ... воскресное... – я снова его прервал, не давая шанса задать какие-либо вопросы мне. Я их попросту не услышу...

– Отлично! В обед понедельника – тебя уже не должно быть и в паре метров от моего дома. А теперь... ВОН!

Каспар скривил недовольную мину, но ничего сделать не мог. Это мой дом, мои творения и МОЯ жизнь. Он не в праве делать на МОИХ шедеврах свою карьеру. Я слишком долго его терпел.

(* – документальный материал. Слова Людвига ван Бетховена.

Глава 4

3 июля 1801 года. Особняк в Гейлигенштадте.

Утро. Летнее солнце не успело даже толком проснуться, а в доме известного композитора уже с самого утра мельтешили слуги. Да, эти 3 дня для них будут самыми тяжёлыми и морально, и физически. В особняк Людвига съезжаются гости практически всех знатных родов.

Сам композитор с напряжением и замиранием сердца ждал этого дня. С напряжением, так как проблема со слухом стала просто невыносимой! Ему кажется, что скрывать уже нет смысла – всё и так ясно. Но он храбрился как мог. И только одно держало его на плаву: скоро он увидит её. Вместе со своим родом в особняк Людвига должна приехать его возлюбленная – Джульетта. Её Жюли. Её имя было созвучно с именем известной Шекспировской героини. Так банально, и так романтично. Больше всего он боялся увидеть её неблагоприятность к нему, если вдруг все узнают о его пороке.

Сейчас, стоя у огромного окна своей спальни он размышлял над тем, как нужно будет общаться с гостями. Сегодня приезжает его друг детства – Франц Вегелер с остальными товарищами. Меньше всего он хотел бы, чтобы они заметили проблему.

К большим кованым воротам, отделанным красивыми узорами в стиле классицизма, медленно и величественно

приближалась карета. Вот же игра доли... Только стоило Людвигу подумать о лучшем друге, как он тут-как-тут.

Ну что ж... Придётся идти встречать.

И вот начался этот безумный день...

Из кареты вышло два молодых человека. Оба были статны, высоки, долговязы, но в то же время широкоплечи и дорого одеты. Золотые запонки на длинных рукавах белоснежных рубаш подчёркивали утончённость тонких запястий. Коричневого цвета кожаные сапоги на ладонь ниже колен были натёрты до блеска.

Весь их вид говорил о том, что они также имели деньги. Правда, один был немного победнее другого, но это не извещало его радушного принятия в доме друга.

Хоть Людвиг и приходился почётным гостем практически на всех торжествах, устраиваемых людьми с высоким статусом, сам он вырос из бедной семьи и был вынужден с детства прокармливать свою семью. Как следствие, разбогатев, он не стал презрительно относиться к бедным. Поэтому и среди его друзей можно было наблюдать, как и небогатых людей, так и знатных. Единственное, что объединяло всех приятелей Людвиг – это крайняя степень образованности, как в научной сфере, так и в отраслях культуры и искусства.

Выдающийся композитор вышел во внутренний двор, чтобы поприветствовать недавно прибывших гостей. Это только кажется, что Бетховен не спеша, можно даже сказать

величественно, выходит из дома. Что он, как бы лениво рассматривая гостей, хочет убедиться, что уже почти все гости собрались.

Но на самом деле... На самом деле, всё внутри него противилось. Он хотел как можно больше оттянуть момент приветствия гостей. Он усердно старался делать вид, что присутствующие ему безразличны. Единственной мыслью, которая молоточком стучала у него в висках, была – где ОНА?

Медленно обводя взглядом присутствующих, он всё искал её. Погружённый в свои мысли, он продолжал стоять на крыльце.

– Смотрите, Франц. – воскликнул один из прибывших. – А вот и виновник торжества! Соизволил явиться. – и залился раскатистым смехом.

Франц, также, как и его товарищ, обернулся на Людвига. Что-то побеспокоило молодого человека в поведении друга.

– Всё-таки, каким бы неприязненным и упрямым мизантропом он не был, какую же красоту он привносит в нашу жизнь! А? – продолжил мыслить вслух гость.

Франц внимательно посмотрел на композитора.

«Что с ним такое? Он даже вышел поприветствовать народ... Он же никогда так не делал.»

Неожиданно взгляд композитора остановился на ком-то из толпы. Проследив за взглядом друга детства, и поняв кто именно стал причиной столь пристального внимания, Франц на долю секунды улыбнулся. Так как до Людвигу было шагов

б от него, мужчина решил заметить:

– Что, мой друг, решился наконец? – с лёгкой язвительностью и улыбкой, сказал он.

– Людвиг! – не дождавшись ответа, позвал Франц. Улыбка с лица Вегелера потихоньку сошла на нет.

«Неужели настолько засмотрелся на свою возлюбленную?»

– Я сейчас вернусь. Пойду Людвигу приведу. – буркнул своим друзьям Франц и направился в сторону крыльца.

Подойдя на 3 шага ближе и расположившись практически перпендикулярно к Людвигу, так, что если постараться, то можно было рукой дотянуться до плеча музыканта, он снова его позвал. Но ответа всё равно не последовало.

«Это уже не шутки.» – подумалось Францу. Обойдя по дуге товарища так, чтоб тот наконец увидел его, он начал серьёзный разговор.

– Ну, здравствуй, Люд. Как дела?

Людвиг ван Бетховен стоял на крыльце собственного дома и взирал на внутренний двор, где сейчас собралась толпа народа. Все смеялись, разговаривали, общались. Стоял такой шум, что нормальный социопат забился б в уголке и не высывался.

Ища свою музу, и вскоре найдя её, композитор даже не заметил, как к нему подошёл его лучший друг и начал светскую беседу. Как нехорошо вышло... Он ведь должен был

его встретить, как и других своих друзей, которые уже минут 20 как прибыли.

– Привет, Франц. – как-то даже с грустью сказал Людвиг. После прошло несколько минут в гнетущем молчании.

Видимо, он что-то упустил, потому что глаза Франца с каждой секундой стали всё больше округляться. А потом взгляд, внезапно понявшего всё человека. Раскрывшего какую-то тайну.

Без слов стало понятно, что Франц догадался...

Глава 5

В доме известнейшего композитора современности Людвиг ван Бетховена обычно всегда тишина и покой. Так было всегда. Пока в Вену не приехал долею случая Каспар ван Бетховен. С тех пор Людвиг волею-неволею должен был привыкнуть к постоянным гостям в собственном доме. Тем не менее, держась подальше от общества, что его окружало, он ограничил круг своих близких людей. Как ни странно, самыми близкими ему людьми были друг детства Франц и... Жюли. Его Жюли, которая сейчас стояла позади него с раскрытыми широко от удивления глазами.

Как и все присутствующие здесь, она узнала кое-что новое о своём возлюбленном.

С тех самых пор, как она познакомилась с этим великолепным музыкантом, она была поражена его амбициями, привлекательностью и главное(!) его гонорами, которые он

несомненно получал от самых богатых родов, выполняя их заказы. Но сейчас... Сейчас, узнав о том, что он долгое время скрывал от всех и... От неё! А она думала, что он ей доверяет. Как же легко разочароваться в людях. Девушка удивлённо вздохнула. Хотела было положить свою хрупкую руку на плечо любимого, но, только дотронувшись до него, сразу же одёрнула руку и развернувшись на каблучках поспешила покинуть дом, буквально, предавшего её человека.

Людвиг, почувствовав прикосновение к своему плечу, развернулся назад. Увидев стремительно уходящую от него девушку, он хотел догнать её, но...

«Что я скажу? Что?.. “Прости, что обманывал тебя Жюли”?! Абсурд. Она никогда меня не поймёт.»

Разозлившись, юный композитор поспешил последовать примеру возлюбленной и покинуть торжество, на котором ему уже не было места.

«Что я наделал?? Что... Нет! Я не нуждаюсь в обществе, как и общество не нуждается во мне.»

«... Мне не дано находить отдохновение в обществе людей, в тонкой беседе, во взаимной откровенности. Один, совершенно один! Я не решаюсь появляться на людях, пока меня не вынуждает к этому крайняя необходимость. Я должен жить как отверженный...» (*)

Сев за инструмент, он начал играть. Играть так усердно, так эмоционально как никогда не играл. Тонкие длинные пальцы быстро бегали по клавишам, то и дело выскальзывая, срываясь с нот. Буря, шторм, ураган, смерч проносились по всему залу одновременно, унося всю злость и досаду музыканта. Никогда он не был так зол. Никогда! Все эмоции смешались в одну, выливаясь смесью колючих септ и секунд, а когда на душе становилось ещё более гадко, то эти колючие ёжики превращались в плаксивые терции и печальные сексты... Ему никто не нужен. Никто. Абсолютно.

Людвиг не выходил с концертного зала больше 3 дней. Он день и ночь на пролёт играл, отдавая всего себя эмоциям. Но что-то новое, как ни старался, не смог написать. У него был творческий кризис.

Октябрь 1802 года. Около поместья в Гейлигенштадте.

Дальше...

Дальше!

ДАЛЬШЕ!

Людвиг шёл подгоняемый чувством глубокой депрессии.

Никто...

Никто! Слышите?!

НИКТО меня не остановит!

Людвиг шёл спортивным шагом, чеканя каждый шаг.

Нет...

Нет!

НЕТ!!!!!!!!!!

Как она могла?? Как она могла со мной ТАК поступить??

Лес... Уже достаточно далеко от поместья композитора.

Но он не останавливался. Он всё шёл и шёл...

Что ему мешает прямо тут умереть? Просто лечь на эту мягкую листву? Закрывать глаза... И ждать... Ждать... Ждать...

Стояла ранняя осень. Листья на верхушках деревьев начинали потихоньку желтеть и опадать. Гейлигенштадт всегда отличался особой дождливой атмосферой. И сейчас она была только под стать духовному настрою композитора. Как, впрочем, и всегда. Поэтому он и остался тут. Такая погода всегда настраивала его на нужный лад, понятный только самому Людвигу мотив. Что характерно, сейчас эта погода не доставляла композитору той атмосферы, что и раньше. Сейчас всё было мрачным и чуждым. Ему было всё равно на окружающую его природу.

Зачем...

Зачем?

ЗАЧЕМ??? она это сделала?

Она же знала, как её он любит. Зачем она обручилась с этим грёбаным бароном!?!?!?

Может мне вернуться и попробовать жить сначала?

Может это всё страшный сон и мне лучше забыть его?

Ну уж нет!

ЛУЧШЕ умереть.

Нет проблем.

Джюльетта счастлива.

Барон, чтоб ему неладно было, счастлив.

ЛУЧШЕ ДЛЯ ВСЕХ.

«... И не забывайте меня совсем после моей кончины. Я заслуживаю того, чтобы вы думали обо мне, потому что я при жизни часто думал о вас и старался, чтобы вы были счастливы. Будьте же счастливы!» (**)

(*) – документальный материал. Слова Людвига ван Бетховена.

(**) – документальный материал. Людвиг ван Бетховен, 6 октября 1802 года, Гейлигенштадт.

Глава 6

«...Я на гору круту крем'яную
Буду камінь важкий підіймать
І, несучи вагу ту страшную,
Буду пісню веселу співать...»
(Леся Українка)

Спустя несколько месяцев

Франц Вегелер бездумно ходил по лесу. Его беспокоили мысли, одна хуже другой. Его приятель, его товарищ, его друг детства вот уже как месяц в розыске. Все знакомые Франца и Людвигу подняты, что называется, на уши. Все ищут его.

Ну и что? Ну и что, что он оглох?? Он думает, что перестанет быть другом Францу? Или он думает, что теперь он не сможет выполнять заказы и таким образом зарабатывать себе на жизнь? И только ли в этом проблема? Куда он ушёл? Зачем? Франц бы помог ему...

Зачем?

Отбившись от поисковой группы, Франц решил слегка проветриться. Он уже третьи сутки не спал. Первое время, он думал, что Людвигу просто нужно побыть одному, что тот решил отдохнуть от проблем. Трезво рассудить обо всём.

Может он решил найти музу? Вдохновится? Хотя... Какая разница, если он всё равно глухой?

Всё равно его лучший друг не оставил бы композитора самого на произвол судьбы! Что он себе думал?

Если он покончил жизнь самоубийством – он слабак! Самый настоящий слабак! Таким путём не решают проблемы, таким путям их избегают! Избегают ответственности за эти проблемы!

Он не мог ТАК с собой поступить!

Размышления Франца прервал громкий выстрел. Вмиг

встрепенувшись, он чуть ли не вприпрыжку побежал на звук выстрела.

Выстрел означал только одно:
Людвига ван Бетховена нашли!

1804 год.

Людвигу ван Бетховену пришло письмо от некой Иоанны. Он сразу же невзлюбил эту женщину, когда его многогрешный брат Карл решил жениться на ней. Людвиг бы с самого начала против этой связи. Но кто же его будет слушать? Поэтому, когда ему пришло известие о болезни брата, он ни на толику не удивился!

Иоанна просит помочь излечить Каспара. Но какой прок от того? Людвиг не хотел иметь никаких дел с ними. Он хотел вычеркнуть и Каспара и эту выскочку Иоанну из своей жизни раз и навсегда! Тогда с какого перепугу он всё-таки не смог отказать в помощи? Он до самой смерти отправлял брату часть своих гонораров... И после этого его считали «неприятным, упрямым мизантропом» ?? Это абсурд.

Тем не менее у Людвига после выздоровления от “прогулки” по лесу появилось то, что он так искал – вдохновение!

За два прошедших года он смог поразить всех осознанием, что ничто не способно помешать уникальной одарённости композитора на пути к успеху.

Спустя год, как это ни парадоксально, абсолютно глухо-

го Людвига ван Бетховена ожидал полностью забитый концертный зал. Масштабный симфонический оркестр, в котором свыше, чем 50 человек, готов и ждёт появления своего дирижёра.

Внезапно закричал весь оркестр разом! Нежные скрипки вдруг стали такими громкими и колючим, словно иглы дикобраза! Затем, как бы в контраст их прошлой партии, завели мелодичный спокойный мотив, перерастающий в угрожающий вызов. Всё громче и громче нарастало буйство эмоций.

Достигнув своего пика, всё стихло.

Но не тут то было! Буря и шторм только начинались.

Всё это произведение как бы кричало: «Нет! Это не конец!».

Своей Симфонией 5 Людвиг ясно дал всем понять, что несмотря ни на что, он не опустит руки.

Спустя столько страданий, столько страхов разоблачения Людвиг ван Бетховен, смирившись со своей глухотой, решил для себя: он не сдастся! Чтобы не случилось, какие бы тяжести, трудности, неприятности, проблемы уготовила ему доля – не сдастся!